

«БЕСКОМПРОМИССНО ЗАПРЕТИТЬ»

Москва, улица Герцена, 14/2 — дом, расположенный как раз напротив столичной консерватории. Адрес этот известен многим: здесь после отчаянных усилий, горячих «битв» прочно обосновался Международный союз музыкальных деятелей. Однако мало кто знает, что под его крылом приютилась в доме и еще одна престижная и солидная организация — Центр отечественной музыкальной культуры имени С. В. Рахманинова. Нет вывески, нет рекламы, нет шумихи. Однако работа идет активная — это объединение истинных знатоков и горячих поклонников великого музыканта.

Беседу с инициатором создания Центра, ныне его генеральным директором, пианистом Иосифом Максавичем ГАНЕЛИНЫМ:

— Поначалу мы называли наше детище Фондом. Планов родили множество. Очень хотелось построить мощный центр с современным концертным залом, нотной библиотекой, собственной полиграфической базой и своей телестудией. Несколькими «дон-кихотскими» проекты! Конечно, но одновременно мы запланировали и вполне реальные дела, осуществимые даже на начальном этапе — выпуск книги и фильма, которые по возможности правдиво освещали бы жизнь Сергея Васильевича, особенно в годы эмиграции. Ведь так скуп и в таком «подправленном» виде доходили до нас сведения об этом периоде. Помните, с каким усердием доказывали, что отъезд Рахманинова из России стал его творческой смертью?

— Конечно, чего стоит хотя бы ужасная история, разрывавшаяся в 31-м году в связи с исполнением в Москве его «Колоколов». Убийственная статья в «Правде» — текст ее воссоздан в недавно вышедшей книге «Воспоминания Сергея Рахманинова, записанные Оскаром фон Ризеном (к слову сказать, очень интересная книга)». «...Бывший певец русских купцов-оптовиков и буржуа, композитор, который давным-давно устарел, чья музыка есть не что иное, как жалкое подражание и выражение реакционных настроений; бывший помещик... непримиримый и активный враг Советского правительства». Слог-то какой! Последствия статьи оказались грандиозными: было принято решение «бескомпромиссно запретить всякое преподавание произведений Рахманинова в высших музыкальных учебных заведениях».

— К счастью, запрет просуществовал недолго — такую музыку не запретили! Рахманинова исполняли реже-наше, хуже-лучше, но все-таки его сочинения звучали. В Великую Отечественную войну имя Сергея Васильевича уже произносилось с неким почтением — он много помогал России.

— А с семидесятилетием уже поздравляли сами советские композиторы. Как известно, Рахманинов умер за 3 дня до даты, так что, возможно, не успел прочитать коллективного послания. «Создателю музы-

кальных произведений, проникновенных по своей глубине и выразительности, сообщалось, что советская общественность с большим вниманием следит за его творческой и артистической деятельностью и гордится его триумфами.

— Вот для того, чтобы люди как можно больше узнали о великом соотечественнике, мы и затеяли наш центр. Естественно, очень быстро убедились, что задуманные планы требуют весьма солидных средств: на одно только строительство музыкального комплекса по ценам 1990 года требовалось примерно 100 миллионов долларов США. А ведь его нужно еще и оборудовать, закупить акустические технику, инструменты; ясно, что без привлечения иностранных фирм, без валютных инвестиций мы бы никак не обошлись. И Международный союз музыкальных деятелей принял решение учредить вместо фонда центр отечественной музыкальной культуры — самостоятельное предприятие, коммерческие структуры которого смогут приносить доход, необходимый для осуществления нашей программы. Президент союза Ирина Архипова, ее сотрудники оказали нам весьма ощутимую помощь. Надемся, они не пожалеют об этом. Кое-что из намеченного уже удалось осуществить: подготовку книги о Рахманинове, фильма.

— Кто еще помогает центру?

— Прежде всего внук Сергея Васильевича, Александр Борисович Рахманинов. Это просто подарок судьбы — встреча с ним и та крепкая творческая дружба, деловые контакты, которые завязались и у Союза музыкальных деятелей, и у нас с этим удивительно энергичным, импульсивным человеком. Его активнейшее участие в осуществлении наших замыслов — и моральное, и материальное — неоценимо. Я уж не говорю о помощи в сборе материалов, Александр Борисович вложил огромные средства в проведение Рахманиновского конкурса в Москве. Да и рахманиновский юбилейный международный фестиваль, российскую часть которого мы уже открыли, он тоже во многом возглавил на свои плечи. Конечно, нам под силу показать в Санкт-Петербурге при участии оркестра и хора Капеллы под управлением В. Чернышенко оперу «Алеко»; организовать московское и петербургское выступления аргентинского пианиста Гернера с Третьим фортепианным концертом и осуществить с оркестром под управлением В. Поныкина концертное исполнение в Москве давно не звучавшей оперы Рахманинова «Скупой рыцарь». Но ведь планируются еще и выезды наших коллективов и солистов в Европу, в США, где их ожидает самое главное событие рахманиновских торжеств — выступление в концерте в Карнеги-холл. Александр Борисович сказал в одном из своих интервью: «Я не могу помочь всем. Но я из чистой сентиментальности взялся провести международный фестиваль, связанный с именем деда». Мы также получаем помощь от министра

культуры России Евгения Юрьевича Сидорова.

— А как вы отнеслись к критике, достаточно резкой, которая прозвучала со страниц ряда газет и в адрес конкурса, и в адрес рахманиновских опер?

— Прежде всего я не назвал бы критикой попытку одним махом все перечеркнуть: конкурса, мол, не было (мало участников) — не смогли как следует; какой он рахманиновский? (была не музыка, а выколачивание звуков из рояля). И так далее. У меня складывалось порой впечатление, что авторы писали не по личным впечатлениям, а по слухам — «кто-то», «где-то», «что-то» сказал, написал. А уж что касается опер Рахманинова и, в частности, «Скупого рыцаря», согласиться, что само произведение неудачно и что в этом жанре композитор был вообще слаб, — просто не могу. Такое можно утверждать

лишь по невежеству. Убежден, критиковать можно и должно. И прислушиваться к критике полезно, но к доказательной, аргументированной, грамотной. И обязательной — доброжелательной. К сожалению, хлесткость, захватывающий тон — одна из примет «современной» журналистики. Чего только не начинаешь в прессе! О наших делах могу сказать: далеко не все получилось, как задумывалось, в частности, в организации конкурса не все состоялось, не все бесспорно. Однако это никак не перечеркивает значение конкурса. Слушательский интерес к нему был очень велик, а выколачивание звуков из рояля, как музыка Рахманинова очевидна. Один из поклонников Сергея Васильевича сказал: «Через 25—30 лет Рахманинов будет ставить в ряд с Бетховеном и Брамсом».

Беседу вела
М. ИГНАТЬЕВА.

ВСЕ СКАЗАНО В МОЕЙ МУЗЫКЕ

«Я никогда не мог разобраться, в чем же состоит мое истинное, кто я — композитор, пианист или дирижер... Временами мне кажется, что я прежде всего композитор; иногда думаю, что способен только к игре на фортепиано. Теперь, когда большая часть жизни уже позади, я постоянно терзаюсь подозрением, что, выступая на многих поприщах, может быть, прожил жизнь не лучшим образом. Согласно русской пословице, я «погнался за тремя зайцами». Могу ли я быть уверен, что убил хоть одного из них?»

С. РАХМАНИНОВ.

Много еще недосказанного, нераскрытого, непознанного в судьбе Сергея Васильевича Рахманинова. В жизни и творчестве художника, известность и признанность которого мало с кем сравнима.

Их много, этих загадочных моментов.

Поражает неприятие произведений Рахманинова западными критиками, его современниками и даже рядом музыковедов последующего поколения, большинство которых пророчило ему забвение, как композитору, презревшему новаторство. Рахманинову-пианисту поклонялись, Рахманинову-композитору не отводили будущего. Даже двадцать лет спустя после его смерти среди американских музыковедов еще не исчезло недоверие. В Америке в то время уже не могли не признать его самых популярных произведений, особенно Второго и Третьего

ОН ТАК И НЕ СТАЛ АМЕРИКАНЦЕМ

ФРАГМЕНТЫ ИЗ КНИГИ «СЕРГЕЙ РАХМАНИНОВ. ДВЕ ЖИЗНИ»

фортепианных концертов, но все же критики там продолжали называть его произведения «музыкой не нашего времени», утверждали, что его мелодии похожи на машинописную копию некоего оригинала, при чем не на первую, а на самую последнюю, самую бледную.

И вот этот не пожелавший расстаться с классическими традициями русской музыки композитор «отживающего стиля», продолжатель дела

этакого особняка в одном из самых престижных районов Нью-Йорка на Риверсайд-Драйв. Правда, через несколько лет он переселился в относительно скромную трехкомнатную квартиру, но зато потом приобрел великолепную виллу в Швейцарии: потянуло в Европу, захотелось тишины и покоя. На этой вилле были созданы Рапсодия на тему Паганини и Третья симфония.

Чудесная семья. Полнейшее благополучие. Но в его музыке продолжает звучать трагедия. Личная ли это трагедия или, как считают некоторые биографы, отражение страданий человечества, влияние эпохи. Это отдается на суд каждого, кто слушает музыку Рахманинова. Немало и таких, кто все-таки чувствует в его образах именно личное. Но значительность гениальных творений Рахманинова такова, что они, несомненно, обобщают человеческие драмы.

С советским режимом Сергей Васильевич примириться не мог даже в сорок втором, когда война за правое дело в России пробуждала сочувствие и у некоторых бывших врагов. Очень часто вспоминают патристические поступки Рахманинова во время войны. Он жертвовал сборы от концертов на нужды Красной Армии: более четырех тысяч долларов передал он от концерта 1 ноября 1941 года и столько же от концерта 7 ноября 1942 года. Специально ли он подгадал или уж так получилось случайно, но оба благотворительных концерта совпали с празднованием годовщины Октябрьской революции, к которой он не мог иметь теплых чувств.

«От одного из русских посылал помощь русскому народу в его борьбе с врагом. Хочу верить в полную победу!», — таким письмом сопроводил Рахманинов свой дар Красной Армии. А ведь его дочь Татьяна с сыном Александром в это время жила во Франции на оккупированной немцами территории.

Он пошел дальше личного участия, которое значительно и само по себе. Он хотел подать пример русской эмиграции и американцам, заставить богатых людей оказать помощь русским в час тяжелых испытаний. В ту пору разные чувства испытывали наши соотечественники, покинувшие Родину. Немало находилось в их среде людей, которые желали поражения СССР в войне, надеясь, что таким образом будет покончено с режимом, лишившим их России.

В Москве отметили его юбилей — 50-летие творческой деятельности. «Большевики все же первые вспомнили!», — с чувством заметил он, получив «милое письмо из русского посольства». А ведь большевиков он должен был ненавидеть. Но нет... Еще совсем молодым человеком 22 лет он извлек из послания апостола Павла к римлянам слова, которые стали одним из его руководящих правил в жизни: «Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: «Мне отмщение воздам», говорит Господь».

Он выбрал из этого изречения то же, что и Лев Толстой, поставивший эпиграф к «Анне Карениной», — самую повелительную и значительную часть:

ли только одного — появления на эстраде человека, у которого уже прочно сложилась репутация величайшего музыканта двадцатого столетия и которого чуть ли не обожествляли как последнего в длинной цепи композиторов-исполнителей, не прерывавшейся со времен Моцарта. Внезапный выход на концертную площадку Фридерика Шопена или Ференца Листа не произвел бы большего впечатления на публику, чем появление Сергея Васильевича Рахманинова...

Милтон остановился, словно ему хотелось, чтобы его слушатели в тишине пустого зала испытали ощущение таинственного присутствия чего-то святого: вот здесь, на этом месте, ровно пятьдесят лет назад стоял огромный концертный рояль, продолжал Милтон. Свет немного притушили, слышались шаги, многие застыли в оцепенении, чтобы уловить появление на эстраде великого мастера. Рахманинов вышел и твердой походкой направился к роялю. Тишину взорвал гром аплодисментов... Выразительное лицо артиста, на котором отпечатались тревоги и печали многих лет, теперь было обращено к инструменту. Он смотрел на рояль с такой глубокой сосредоточенностью, что в этом чувствовалась неземная титаническая сила. Один из критиков написал тогда: «Этот усталый старик казался Мефистофелем, обожженным собственным огнем и пронесшим на себе тяжесть бесчисленных жизненных тревог. Но из этого мрачного образа вдруг исторгло нечто великодушное и возвышенное».

Милтон говорил долго и проникновенно.

— Гений Рахманинова и его живой магнетизм, — заключил он разговор, — были неотразимы. Но значительная часть тайны его обаяния состояла в том, что, кроме его внушительной внешности и огромной творческой силы, все неизменно ощущали величие духа и тот благородный инстинкт, который всегда внушает подлинно великие люди. Трудно вообразить, как это в одном смертном человеке могли быть сосредоточены такие великие силы фантазии, памяти и техники, каким образом этот один человек мог быть благословлен столь феноменальными способностями. Однако Рахманинов был более чем гений. Он был героической личностью, достойной высшего уважения. Он был не только творческим гением, но еще и гуманистом высочайшего уровня.

Среди американцев Милтон не одинокий в таком страстном почтении к Рахманинову. В Нью-Йорке известный пианист Байрон Джарис, объясняя причины всевозрастающей популярности Рахманинова, сказал: — Дело в том, что его музыка идет к сердцу. Это очень благородный, аристократический, подлинно страстный вид музыки, которая исходит из глубины души...

Из разговоров с людьми, которые знали Сергея Васильевича, особенно запомнилась фраза вдовы пианиста Владимира Горовица, Ванды Тосканини-Горовиц: «В нем всегда жила любовь к России: он так и не стал американцем».

МУЗЕЙ ПРЕДСТАВЛЯЕТ

«...От очень любящего ее...»

Три редкие фотографии из обширнейшего иконографического раздела фонда 18 (рахманиновского), насчитывающе-

ГЛАЗАМИ ВНУКА

В Москве нам встретиться не удалось: Александр Борисович Рахманинов был слишком занят делами конкурса. И все-таки мне повезло — в преддверии юбилея своего великого деда он сам позвонил из Франкфурта.

— Поскольку прошедший в Москве Международный рахманиновский конкурс был первым, его надо рассматривать как «стартовую площадку», как трамплин для будущего прыж-

родный. Вдвойне обидно, потому что Рахманинов — ныне самый играемый в мире композитор. Я регулярно делаю статистический анализ — подсчитываю, сколько часто звучит его музыка в программах, и убеждался, что с каждым годом цифра возрастает в три с половиной раза. Так что пианистов, исполняющих произведения Рахманинова, хватило бы и на два, и на три конкурса. Другое дело, что не у всех получается

пример, глубоко убежден, что «портрет» моего деда большинством авторов книг, статей искажен. Его представляют мрачным, суровым, замкнутым, а я вот помню веселым. Он любил пошутить, с азартом играл с нами, детьми, в прятки. Правда, в одностороннем описании личности Сергея Васильевича в значительной мере виноват он сам. Он не любил общаться с представителями прессы. На про-

романтиков, вопреки всем унылым предсказаниям музыкальных мудрецов, занял одно из первых мест в американском и западноевропейском репертуаре. В полную силу зазвучали все три симфонии, почти все оркестровые сочинения других форм, виолончельная соната, хоровые духовные произведения, не говоря уже о фортепианных концертах, включая Первый и Четвертый, которые в прежние времена исполняли не очень жаловали.

Не будучи новатором, с точки зрения современных ему

ном этапе — выпуск книги и фильма, которые по возможности правдиво освещали бы жизнь Сергея Васильевича, особенно в годы эмиграции. Ведь так скучно и в таком «подправленном» виде доходило до нас сведения об этом периоде. Помните, с каким усердием доказывали, что отъезд Рахманинова из России стал его творческой смертью?

— Конечно. Чего стоит хотя бы ужасная история, разыгравшаяся в 31-м году в связи с исполнением в Москве его «Колоколов». Убийственная статья в «Правде» — текст ее воссоздан в недавно вышедшей книге «Воспоминания Сергея Рахманинова, записанные Оскаром фон Риземаном (к слову сказать, очень интересная книга)». «...Бывший певец русских купцов-оптовиков и буржуев, композитор, который давным-давно устарел, чья музыка есть не что иное, как жалкое подражание и выражение реакционных настроений; бывший помещик... непримиримый и активный враг Советского правительства». Слог-то какой! Последствия статьи оказались грандиозными: было принято решение «бескомпромиссно запретить всякое преподавание произведений Рахманинова в высших музыкальных учебных заведениях».

— К счастью, запрет просуществовал недолго — такую музыку не запретили! Рахманинова исполняли реже-чаще, хуже-лучше, но все-таки его сочинения звучали. В Великую Отечественную войну имя Сергея Васильевича уже произносили с неким почтением — он много помогал России.

— А с семидесятилетием уже поздравляли сами советские композиторы. Как известно, Рахманинов умер за 3 дня до даты, так что, возможно, не успел прочитать коллективного послания. «Создателю музы-

СКАЗАННО В МОЕЙ МУЗЫКЕ

«Я никогда не мог разобраться, в чем же состоит мое истинное, кто я — композитор, пианист или дирижер... Временами мне кажется, что я прежде всего композитор; иногда думаю, что способен только к игре на фортепиано. Теперь, когда большая часть жизни уже позади, я постоянно терзаюсь подозрением, что, выступая на многих поприщах, может быть, прожил жизнь не лучшим образом. Согласно русской поговорке, я «погнался за тремя зайцами». Могу ли я быть уверен, что убил хоть одного из них?»

С. РАХМАНИНОВ.

МУЗЕЙ ПРЕДСТАВЛЯЕТ «...От очень любящего ее...»

Три редкие фотографии из обширнейшего иконографического раздела фонда 18 (рахманиновского), насчитывающего свыше 600 единиц, представил Музей музыкальной культуры имени М. И. Глинки.

1. В конце 90-х — начале 900-х годов Рахманинов был частым посетителем фототелье В. Чеховского на Петровке, в доме № 5. Работы его отличались высочайшим мастерством, и фотограф пользовался широкой популярностью у московских артистов и музыкантов. За пять лет, с 1898 года, Рахманинов снялся у Чеховского около десяти раз. Публикуемый снимок был подарен дочери кухарки в доме Сатиных. Надпись гласила: «Дорогой Мариш, от очень любящего ее С. Рахманинова. 30 янв. 1899 г.»

2. Весной 1922 года, после трех лет отсутствия, Рахманинов приехал в Европу, чтобы дать концерт в Лондоне, но

главное — провести летние месяцы в кругу родных на даче близ Дрездена. Здесь, после долгой разлуки, встретился многочисленный клан родственников. На снимке: А. А. Сатин, А. И. Зилоти, С. В. Рахманинов, В. А. Сатин, Н. Д. Скворцов, В. К. Гучков и Л. А. Зилоти. Фотография выполнена в Дрездене в ателье Хана.

3. Из серии «Концерт Рахманинова в Карнеги-холл 27 ноября 1937 года». В этот вечер Рахманинов играл Баха, Бетховена, Шопена, Листа, Дебюсси и собственные сочинения.

Алексей НАУМОВ.

ГЛАЗАМИ ВНУКА

В Москве нам встретиться не удалось: Александр Борисович Рахманинов был слишком занят делами — конкурса. И все-таки мне повезло — в преддверии юбилея своего великого деда он сам позвонил из Франкфурта.

— Поскольку прошедший в Москве Международный рахманиновский конкурс был первым, его надо рассматривать как «стартовую площадку», как трамплин для будущего прыжка на большую высоту. Или как первый поучительный урок — мы, пожалуй, поняли, чего нам не следует делать в следующий раз. Такой путь обязательно надо было пройти.

Обидно, что конкурс не имел резонанса на Западе. Я отношу это на счет недостаточной подготовки: поспешно ничего не делается хорошо. Да и событий в культурной жизни Запада не счесть. Для того, чтобы Московскому конкурсу имени Рахманинова «заиграть», требуется много усилий.

В Англии тоже есть конкурс пианистов. Но ведь какие там масштабы — в десять раз больше участников, куда значительнее (по числу) представительство разных стран. А в Москве конкурс только по названию получился междуна-

родный. Вдвойне обидно, потому что Рахманинов — ныне самый играемый в мире композитор. Я регулярно делаю статистический анализ — подсчитываю, сколько часто звучит его музыка в программах, и убеждаюсь, что с каждым годом цифра возрастает в три с половиной раза. Так что пианистов, исполняющих произведения Рахманинова, хватило бы и на два, и на три конкурса. Другое дело, что не у всех получается «по-рахманиновски».

Музыка его очень трудная, взять хотя бы тот же Третий фортепианный концерт. Признаться, лет двадцать я не слышал пианиста, который убедил бы меня своей трактовкой этого сочинения. У одного — хорошая техника, «правильная», точная игра, все соблюдено, а музыки нет. У другого — музыки, а техники, мощи, драматической силы не хватает. С интересом жду, что получится у Жени Кисина, — через два месяца он будет выступать в Италии с Третьим концертом.

Между прочим (я уже неоднократно говорил об этом), правильное понимание артистической индивидуальности художника, его успех или неудача во многом зависят от вас — критиков, журналистов. Я, на-

пример, глубоко убежден, что «портрет» моего деда большим искусством авторов книг, статей искажен. Его представляют мрачным, суровым, замкнутым, а я вот помню веселым. Он любил пошутить, с азартом играл с нами, детьми, в прятки. Правда, в одностроннем описании личности Сергея Васильевича в значительной мере виноват он сам. Он не любил общаться с представителями прессы. На просьбу дать интервью почти всегда предлагал послушать свою музыку — дескать, по ней вы все узнаете обо мне. В нашей семье это полагали серьезной ошибкой — «грехом гордыни».

Я считаю, что в наше время средства массовой информации — огромная сила. Это то, что теперь в США называют четвертой властью. Потому искренне благодарю вашу газету и вас лично за эту беседу, за внимание к Сергею Васильевичу Рахманинову и за то, что вы отводите такое место для публикации материалов, связанных с его именем.

Александр РАХМАНИНОВ.

**Записала
М. ИГНАТЬЕВА.**

романтиков, вопреки всем унылым предсказаниям музыкальных мудрецов, занял одно из первых мест в американском и западноевропейском репертуаре. В полную силу зазвучали все три симфонии, почти все оркестровые сочинения других форм, виолончельная соната, хоровые духовные произведения, не говоря уже о фортепианных концертах, включая Первый и Четвертый, которые в прежние времена исполнители не очень жаловали.

Не будучи новатором, с точки зрения современных ему критиков и вопреки чуть ли не единодушному их приговору, он как композитор получил столь же единодушное признание во всем мире. Загадка в том, что процесс признания занял длительное время, несмотря на то, что музыка Рахманинова должна была быть более доступна и понятна как профессионалам, так и любителям.

Внешне благополучный человек и музыкант. В России, если не считать юношеских неурядиц, он жил весьма неплохо: как-никак — помещик средней руки, был принят в высшем обществе, на правах чужь ли не друга семьи носил визиты к брату царя, великому князю Михаилу; княжна Ливен хлопотала за него в трудные минуты, чтобы подбодрить его Лев Николаевич Толстой. Как музыкант имел огромный успех с юных лет, пользовался поддержкой Петра Ильича Чайковского. К тому же и везло ему: в часы невзгод как-то всегда подворачивалась добрая рука.

В эмиграции не в пример многим русским, убежавшим от революции, он очутился буквально без копейки, если не сказать, что с отрицательным капиталом в виде долга в несколько тысяч рублей, взятых на первые дни жизни. В ответ на его опасения один из друзей сказал: «Сергея, с твоими руками... вот твой капитал!» И он был прав, этот друг: через три года Сергей Васильевич даже по местным масштабам считался богатым человеком, настолько богатым, что сумел купить роскошный пяти-

онии, несомненно, обобщают человеческие драмы.

С советским режимом Сергей Васильевич примириться не мог даже в сорок втором, когда война за правое дело в России пробуждала сочувствие и у некоторых бывших врагов. Очень часто вспоминают патристические поступки Рахманинова во время войны. Он жертвовал сборы от концертов на нужды Красной Армии: более четырех тысяч долларов передал он от концерта 1 ноября 1941 года и столько же от концерта 7 ноября 1942 года. Специально ли он подгадал или уж так получилось случайно, но оба благотворительных концерта совпали с празднованием годовщины Октябрьской революции, к которой он не мог иметь теплых чувств.

«От одного из русских посильная помощь русскому народу в его борьбе с врагом. Хочу верить в полную победу!», — таким письмом сопроводил Рахманинов свой дар Красной Армии. А ведь его дочь Татьяна с сыном Александром в это время жила во Франции на оккупированной немцами территории.

Он пошел дальше личного участия, которое значительно и само по себе. Он хотел подать пример русской эмиграции и американцам, заставить богатых людей оказать помощь русским в час тяжелых испытаний. В ту пору разные чувства испытывали наши соотечественники, покинувшие Родину. Немало находилось в их среде людей, которые желали поражения СССР в войне, надеясь, что таким образом будет покончено с режимом, лишившим их России.

В Москве отметили его юбилей — 50-летие творческой деятельности. «Большевики все же первые вспомнили!», — с чувством заметил он, получив «милое письмо из русского посольства». А ведь большевики он должен был ненавидеть. Но нет... Еще совсем молодым человеком 22 лет он извлек из послания апостола Павла к римлянам слова, которые стали одним из его руководящих правил в жизни: «Не мстите за себя, возлюбленные, не дайте место гневу Божию. Ибо написано: «Мне отмщение и воздам», говорит Господь».

Он выбрал из этого изречения то же, что и Лев Толстой, поставивший эпиграф к «Анне Карениной», — самую повелительную и значительную часть: «Мне отмщение и аз воздам!» — и поставил эти слова эпиграфом к своей Первой симфонии, которая была посвящена любимой женщине Анне Александровне Лодыженской.

Сколько мыслей рождает этот эпиграф, посвящение (Анна Лодыженская, «Анна Каренина») и музыка Симфонии, судьба которой оказалась такой печальной.

Поклонников Рахманинова, вероятно, можно найти в любом городе Америки, но такого страстного почитателя, как Милтон Морл-младший из Далласа, вряд ли встретишь где-нибудь еще. Он не принадлежит к клану нефтяных королей Техаса. Это небогатый и сценный скромный американец, хотя и настоящий техасец. К Рахманинову у него совершенно особенное отношение. Произведение Сергея Васильевича для него — высший идеал классической музыки. Язык Рахманинова ему ближе, чем все остальное в мировом музыкальном наследии. И такое поклонение совсем непохоже на слепой фанатизм, как это часто случается.

Милтону очень хотелось показать, какое множество почитателей Рахманинова в Америке, в его родном Далласе, и он вошел то к одному, то к другому...

В зале Макфарлин Милтон рассказывал о последнем выступлении здесь Рахманинова 3 марта 1942 года:

— Мир был охвачен пламенем войны. А более двух тысяч жителей Далласа в этот холодный вечер заполнили зал Макфарлин, забыв обо всех превратностях жизни. Они жда-

ли в ожидании, чтобы услышать в оцененные на эстраде великого мастера. Рахманинов вышел и твердой походкой направился к роялю. Тишину взорвал гром аплодисментов... Выразительное лицо артиста, на котором отпечатались тревоги и печали многих лет, теперь было обращено к инструменту. Он смотрел на рояль с такой глубокой сосредоточенностью, что в этом чувствовалась незыблемая титаническая сила. Один из критиков написал тогда: «Этот усталый старик казался Мефистофелем, обожженным собственным огнем и пронесшим на себе тяжесть бесчисленных жизненных тревог. Но из этого мрачного образа вдруг исторжилось нечто великолепное и возвышенное».

Милтон говорил долго и проникновенно.

— Гений Рахманинова и его живой магнетизм, — заключил он разговор, — были неотделимы. Но значительная часть тайны его обаяния состояла в том, что, кроме его внушительной внешности и огромной творческой силы, все неизменно ощущали величие духа и тот благородный инстинкт, который всегда внушал подлинно великие люди. Трудно вообразить, как это в одном смертном человеке могли быть сосредоточены такие великие силы фантазии, памяти и техники, каким образом этот один человек мог быть благословен столь феноменальными способностями. Однако Рахманинов был более чем гений. Он был героической личностью, достойной высшего уважения. Он был не только творческим гением, но еще и гуманистом высочайшего уровня.

Среди американцев Милтон не одинок в таком страстном почтении к Рахманинову. В Нью-Йорке известный пианист Байрон Джарис, объясняя причины всевозрастающей популярности Рахманинова, сказал: — Дело в том, что его музыка идет к сердцу. Это очень благородный, аристократический, подлинно страстный вид музыки, которая исходит из глубины души...

Из разговоров с людьми, которые знали Сергея Васильевича, особенно запомнилась фраза вдовы пианиста Владимира Горовица, Ванды Тосканини-Горовиц: «В нем всегда жила любовь к России: он так и не стал американцем».

В апреле 1992 года съемочная группа творческого объединения «Экран» при Гостелерадио среди прочих объектов, связанных с жизнью Рахманинова в Америке, посетила дом в Беверли Хиллс в Калифорнии, где скончался Сергей Васильевич. Нынешний владелец дома, Дональд Хехт, показал письмо, которым его поздравил с поселением в этом доме один из деловых людей Лос-Анджелеса. Там есть такие слова:

«Поздравляю вас с выбором самого исторического дома. Этот русский гигант был не только одним из самых почтенных музыкальных гениев в мире, но также великой и могучей личностью. У меня есть предложение: может быть, вы заинтересуетесь присоединиться к кампании по переименованию улицы, на которой вы живете, в «Рахманинов Драйв»... в честь одного из самых знаменитых гениев в мировой истории».

Пока эта улица носит прежнее название — Норд Эли Драйв. Но чувства, выраженные в цитируемом письме, живут в Америке и свидетельствуют об огромном уважении, которое хранят американцы к великому русскому музыканту.

Борис НИКИТИН.

Автор книги «Сергей Рахманинов. Два жизни» (она готовится к выпуску в издательстве «Знание»), Борис Семенович Никитин — капитан I ранга в отставке. Служа в ВМФ, он неизменно занимался музыкой и был страстным ее любителем. Никитин — один из создателей Центра отечественной культуры имени С. В. Рахманинова, является его директором по международным связям. В 1990 году была издана его книга «Чайковский. Старое и новое».

